

СОПОСТАВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ С БИБЛЕЙСКИМИ В ЛЕТОПИСАНИИ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Дмитрий Эдуардович Ивков, аспирант Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кафедра истории западноевропейской и русской культуры.

Аннотация. В статье рассматриваются случаи сравнения летописных персонажей с библейскими — Давидом, Соломоном, Каином, Иовом и др. — в текстах, повествующих об истории домонгольской Руси. Автор анализирует тексты древнейших летописных памятников, относящихся к XIV–XV вв.: Новгородскую Первую летопись Младшего извода, Лаврентьевскую, Радзивилловскую, Ипатьевскую, Софийскую Первую и Новгородскую Четвертую летописи, первую подборку Новгородской Карамзинской летописи, а также Рогожский летописец.

Ключевые слова. Летописи, Домонгольская история Руси, Библия, Новгородская Первая летопись Младшего извода, Лаврентьевская летопись, Радзивилловская летопись, Ипатьевская летопись, Софийская Первая летопись, Новгородская Четвертая летопись, Первая подборка Новгородской Карамзинской летописи, Рогожский летописец.

В летописях описываемые исторические персонажи часто сопоставляются с библейскими. Так, Владимир Святой имеет 800 наложниц, подобно Соломонуⁱ; княгиня Ольга сравнивается с царицей Савскойⁱⁱ, пришедшей к Соломону; Андрей Боголюбский уподобляется Иову и т. п. Подобные сопоставления являются маркерами, указывающими на особую роль данного летописного персонажа. Кроме того, они являются «библейскими ключами»ⁱⁱⁱ, задающими тон рассмотрения каждого конкретного исторического лица в контексте как одного летописного известия, так и всей русской истории.

Вопросы сопоставления летописных персонажей с библейскими рассматривались в работах Г. М. Бараца^{iv}, А. А. Гиппиуса^v, И. Я. Данилевского^{vi}, М. Одесского^{vii}, В. Я. Петрухина^{viii}, С. Я. Сендеровича^{ix}, Б. А. Успенского^x и др. Исследователи, как правило, рассматривали какого-либо героя летописи и указывали на библейские параллели к его портрету в тексте. Мы рассматриваем все случаи сопоставления летописных персонажей с библейскими в летописании домонгольской Руси. Для анализа были взяты древнейшие летописные памятники, относящиеся к XIV–XV вв.: Новгородскую Первую летопись Младшего извода^{xi} (далее — Н1 Мл.), Лаврентьевскую (далее — Лавр.), Ипатьевскую (далее — Ип.), Софийскую Первую (далее — С1), Новгородскую Четвертую (далее — Н4) и Радзивилловскую (далее — Радз.) летописи, первую подборку^{xii} Новгородской Карамзинской летописи (НК1), а также Рогожский летописец (далее — Рог.). Мы рассматриваем описание событий домонгольского периода, т. е. до битвы на р. Калке (6731/1223 г.^{xiii}).

Всего на изучаемом материале нами зарегистрировано 63 сопоставления летописных персонажей с библейскими. В качестве объектов сопоставления выступают такие библейские персонажи, как Соломон, Каин, Давид, Иов, Иуда Искариот, Моисей, Богородица, Симон волхв, Ной, Енох (праведник), Навуходоносор, Авраам, Каиафа, Валаам, Фараон (бывший при Моисее), Сыновья Скевы, три отрока еврейских (Седрах, Мисах и Авденаго), вдовица (бросившая две лепты), Даниил пророк, Царица Савская, Ламех, Авимелех (сын Гедеона), Хам, Исав, разбойник благоразумный (распятый со Христом), Иаков, добрый раб (притча о талантах), Иосиф обручник и Лот. Из 29 библейских персонажей, с которыми сравниваются исторические лица в летописях, 21 персонаж является ветхозаветным и всего 8 — новозаветными. Таким образом, наблюдается преобладание ветхозаветных реминисценций и мотивов, в целом традиционное для литературы византийского региона^{xiv}.

К разным библейским персонажам летописцы проявляют разное внимание (приведенный выше список построен по порядку уменьшения количества сопоставлений в летописях). В рамках данной статьи мы рассмотрим лишь наиболее «популярных» из них.

Чаще всего (в 14,3% случаев) летописные персонажи сравниваются с Соломоном. С ним во всем домонгольском летописании сопоставляются всего три князя: Владимир Святой (дважды в «Повести временных лет»^{xv}), Андрей Боголюбский (3 раза в Ип., в пространной версии «повести» о его убиении, и 1 раз в краткой, дошедшей в Лавр. и Радз.^{xvi}) и Константин Всеволодович (4 раза в Лавр.). Обратим внимание на те подробности биографии и портрета Соломона, в отношении которых ему уподобляются князья. Самое раннее уподобление Соломону относится к Владимиру Святому, в отношении его женолюбия^{xvii}. Далее в статье за 6504/996 г. Владимир косвенно уподобляется Соломону в сквозном параллелизме рассказа о строительстве Десятинной церкви с историей строительства Соломоном храма^{xviii}. Также в качестве строителя храма с Соломоном сопоставляется Андрей Боголюбский в Ип.^{xix} и Константин Всеволодович в Лавр.^{xx} Кроме того, летописцы сравнивают князей с Соломоном, отмечая их мудрость. Так, в Лавр., Радз. и Ип.^{xxi} Андрей Боголюбский в некрологе называется «вторым мудрым Соломоном»; Лавр. называет так Константина Всеволодовича^{xxii}. В Лавр. мудрость Соломона также трижды приписывается князю Константину^{xxiii}.

Как мы видели, во всех летописях с Соломоном сравниваются только три князя, из них в «Повести временных лет» (далее — ПВЛ) — лишь один. Таким образом, в рамках ПВЛ в истории «нового народа», т. е. Руси^{xxiv}, выделялся единственный «новый Соломон» — князь Владимир. Позднейшее домонгольское летописание (как южное, так и северо-западное) подхватывает эту традицию и расставляет свои акценты. Впрочем, сравнение с Соломоном, будучи исключительно сильным приемом в случае с Владимиром, в панегириках князю Константину несколько утрачивает свое значение, обретая черты «этикетности»^{xxv}.

Часто (12,7% всех случаев сравнения с библейскими персонажами) употребляется сравнение летописных персонажей (всегда — убийц) с Каином. Персонаж, чаще всего сравниваемый с Каином (прямо и косвенно) — Это Святополк Окаянный. Так, Святополк принимает «каинов смысл»^{xxvi}. Также в тексте С1 читаем: «И обреть, яко же и Каина, на братоубиство горяща, тако же и Святополка, поистинне втораго Каина». Мотив уподобления Святополка Каину также явственно читается в обвинениях, которые бросает ему Ярослав перед сражением. Он, обращаясь к Богу, говорит словами книги Бытия: «Кровь брата моего вопьеть к тоб□, владыко!»^{xxvii}, и далее: «Мьсти от крове праведнаго сего, якоже мьстиль еси крове Авелевы, положивъ на Каин□ стенанье и трясение, — тако положи и на семь». Тема наказания Каина за кровь брата еще раз появляется в той же летописной статье^{xxviii}, а также через два столетия, под 6725/1217 годом, где с Каином сопоставляется Глеб Рязанский, убивший своих братьев^{xxix}. Кроме того, в летописных текстах имеет место сравнение княжеской междоусобицы с восстанием Каина на своего брата^{xxx}.

Таким образом, кроме случая со Святополком, мы видим лишь эпизодические сравнения с Каином. Так, например, убийцы Андрея Боголюбского уподобляются не Каину, а Иуде Искариоту, притом дважды^{xxxi}. Это, помимо прочего, указывает на исключительность образа Святополка как «первого братоубийцы», «русского Каина» — подобно тому, как Борис и Глеб стали для Руси «Авелем», будучи первыми русскими святыми. Как показал Б. А. Успенский^{xxxii}, история убийства Бориса и Глеба в литературе Древней Руси отождествляется с историей Каина и Авеля (а порой заменяет собою библейский рассказ). Повторение истории человечества на новом витке спирали^{xxxiii} — в начале русской истории — дает Руси как первую вершину святости, так и первого братоубийцу. Подобно тому, как Борис и Глеб являются образцом русской святости, Святополк является «образцом нечестия» в русском летописании, остающимся в своем роде непревзойденным.

Отметим также следующее. Во всех случаях сравнения с Каином после Святополка, идет *одновременное* сопоставление также и с убийством Святополком Бориса и Глеба. В статье за 6694/1186 читаем: «...якожь в прежняя дни Каина на Авеля брата своего, а потомъ Святополка на Бориса и Гл□ба...»; также в статье за 6725/1217: «...сь бо Гл□бъ ту же мысль Святополчю приимь...» Кроме того, князь Глеб Рязанский, избивший своих братьев, называется в летописи «окаянным», что усиливает его уподобление именно Святополку. В летописной «Повести об убиении Андрея Боголюбского» князь говорит своим убийцам: «О горе вамъ, нечестивии, что оуподобистесь Горяс□ру», т. е. сравнивает их с убийцей Глеба. Таким образом, тема греха Каина в летописной традиции Домонгольской Руси теснейшим образом связана с убиением Бориса и Глеба. Святополк поистине становится «новым Каином» для древнерусской историографии.

9,5% всех сравнений приходится на царя Давида. Давид и Соломон являют собой архетипический для средневековой культуры образ идеального правителя. Они объединяют в себе

качества победоносного предводителя воинов, богатого, славного и мудрого правителя, а также святого, имеющего Божие благословение. В связи с этим, сравнение с Давидом или Соломоном является высшей похвалой для князя. Рассмотрим те качества, в связи с которыми летописные персонажи уподобляются Давиду. В некрологах Андрею Боголюбскому и Давыду Ростиславичу (оба в Ип., статьи за 6683/1175 и 6705/1197 гг.) указывается, что они принимали «покаянье Давидово». В Ип., в похвале Рюрику Ростиславичу по случаю строительства стены в Выдубицком монастыре (статья за 6707/1199), говорится о том, что князь имеет «Давидову кротость». В некрологе Константину Всеволодовичу (Лавр., статья за 6727/1218) также читаем: «одароваль б□ Богъ кротостью Давидовою». В Повести временных лет (далее — ПВЛ), греческий патриарх напутствует княгиню Ольгу, говоря, что Бог сохранит ее как сохранил «Давида от Саула» (текст читается в Н1Мл., Лавр., Радз., Ип., НК1, С1, Н4). Этот же мотив встречаем в статье Лавр. за 6694/1186 г., в связи с бегством князя Игоря из половецкого плена: «гониша бо по немъ и не обр□тоша якожь и Сауль гони Давида, но Богъ избави и, тако и сего Богъ избави из руку поганыхъ». Таким образом, в сравнениях летописных персонажей с Давидом основное внимание уделяется таким чертам его портрета, как покаяние, кротость и успешное избавление от гонений. Это характеристики, связанные более со святостью Давида, его благословением от Бога, нежели с его успешностью как правителя.

С такой же частотой, как и в случае с Давидом (9,5% случаев), летописные персонажи сравниваются с Иовом. Праведник, терпевший все невзгоды, которые обрушивались на него, является, по мнению летописцев, образцом для подражания.

Также с равной частотой (6,3% случаев) летописные персонажи сравниваются с Моисеем (в случае прославления) и с Иудой Искаротом (в случае обличения).

4,8% сравнений посвящены Богородице. С нею сравниваются различные персонажи — от княгини Ольги до самого летописца^{xxxiv}.

Летописцы, сопоставляя летописных персонажей с библейскими, приписывают им определенные свойства. Подобные уподобления характеризуют два момента в летописной культуре домонгольской Руси. Во-первых, они указывают на специфику восприятия библейских персонажей русскими книжниками. Во-вторых, они маркируют особую роль летописного персонажа в истории. Характеристики, сообщаемые им посредством такого сопоставления, приобретают сакральный характер, превращаясь в мотив, раскрывающий смысл всего летописного повествования о том или ином историческом лице. Зачастую в подобных сопоставлениях читается и иной смысл. В истории Русской земли *происходит* действие библейских персонажей — таких, как Каин, Авель, Давид, Соломон и др. События священной истории актуализируются на новом витке спирали, представляющем собой историю «нового народа», историю Руси.

ⁱ Согласно версии Лавр., у Владимира было 5 жен и 800 наложниц. Далее Лавр., в соответствии с 3 Цар. 11:1–3, указывает, что у Соломона было 700 жен и 300 наложниц (фрагмент передается в версии хроники Георгия Амартола. См.: *Водолазкин Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси (на материале хронографического и палеяного повествования XI–XV веков). — СПб., 2008. С. 57.). Радз., видимо, для большего уподобления Владимира и Соломона, приписывает Соломону 800 жен.

ⁱⁱ См.: 3 Цар. 10:1–13. В летописях эта царица называется «ефиопской». Об этом названии, восходящем к «Иудейским древностям» Иосифа Флавия, подробнее см.: Данилевский И. Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. — М., 2004. С. 159–161.

ⁱⁱⁱ См.: Пиккио Р. *Slavia Orthodoxa*. Литература и язык. — М., 2003. С. 443–487

^{iv} *Барац Г. М.* 1) Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом. — Киев, 1908; 2) О библейско-агадическом элементе в повестях и сказаниях начальной русской летописи: Вып. 1. — Киев, 1907; 3) Происхождение летописного сказания о начале Руси. — Киев, 1913.

^v *Гиттис А. А.* Ярославичи и сыновья Ноя в Повести временных лет // Баланские чтения 3: Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы: Тез. и материалы симп. — М., 1994. С. 136–141.

^{vi} *Данилевский И. Н.* 1) Библия и Повесть временных лет: к проблеме интерпретации летописных текстов // Отечественная история. 1993. — № 1. С. 78–94; 2) Древняя Русь глазами современников и потомков (XI–XII вв.). — М., 1998; 3) Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. — М., 2004; 4) Потоп и Русская земля (к вопросу об исторических взглядах древнерусского летописца) // Библейские исследования. От Бытия к Исходу. — М., 1998. С. 263–268; 5) Эсхатологические мотивы в Повести временных лет // У источника: Сб. ст. в честь чл.-кор. РАН С. М. Каштанова. — М., 1997. Ч. 1. С. 172–220.

^{vii} *Одесский М.* «Начало славян» и Пятикнижие: библейский контекст языческих преданий в «Повести временных лет» // Библейские исследования. От Бытия к Исходу. — М., 1998. С. 253–262.

^{viii} *Петрухин В. Я.* 1) Библия, апокрифы и становление славянских раннеисторических традиций (к постановке проблемы) // Библейские исследования. От Бытия к Исходу. — М., 1998. С. 269–286; 2) История славян и Руси в контексте библейской традиции: Миф и история в Повести временных лет // Древнейшие государства Восточной Европы, 2001 год. — М., 2003. С. 93–112.

^{ix} *Сендерович С. Я.* 1) Начало восточнославянской историографии с культурологической точки зрения: «Повесть временных лет» и Священная История евреев // *Jews and Slavs.* — Jerusalem, 1994. Vol. 2. P. 21–57; 2) Св. Владимир: к мифопоэзису // Труды отдела древнерусской литературы. — СПб., 1996. — Т. 49. С. 301–313; 3) Метод Шахматова, раннее летописание и проблема начала русской историографии // Из истории русской культуры. Т. I: (Древняя Русь). — М., 2000. С. 461–499.

^x *Успенский Б. А.* Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. — М., 2000.

^{xi} В Новгородской Первой летописи Старшего извода, ввиду дефектности единственного списка и особенностей новгородского летописания, нет ни одного сопоставления летописного персонажа с библейским. В связи с этим мы изучаем только Младший извод летописи.

^{xii} Вторая летописная подборка Карамзинской рукописи (РНБ F.IV.603) исключается из рассмотрения потому, что на рассматриваемом хронологическом промежутке в ней отсутствуют сопоставления летописных персонажей с библейскими.

^{xiii} Здесь и далее приводится летописная датировка от Сотворения мира; после косой черты следует соответствующая датировка от Рождества Христова.

^{xiv} См.: *Иванов С. А.* Соотношение новозаветных и ветхозаветных цитат в византийской литературе: К постановке вопроса // *Одиссей: Человек в истории. Язык Библии в нарративе.* 2003. — М., 2003. С. 12.

^{xv} Статьи за 6504/996 и 6488/980 гг., подробнее они будут рассмотрены ниже.

^{xvi} Статьи за 6683/1175 г. О том, какая версия первична, в науке высказывались различные суждения. О первичности пространного рассказа см.: *Рыбаков Б. А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». — М., 1972. С. 79–131, 256–257; *Филитовский Г. Ю.* «Повесть о убиении Андрея Боголюбского» и русско-чешские литературные связи раннего периода. // *Československá rusistika*, 1986, гоґ. 31, № 1. С. 11–17. Иначе см.: *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. — М., 1938. С. 76; *Насонов А. Н.* Малоисследованные вопросы Ростово-Суздальского летописания XII века. // *Проблемы источниковедения.* — М., 1962. Т. 10. С. 373–386; *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. — М.; Л., 1947. С. 241–246; *Адрианова-Перетц В. П.* О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI–XV вв.). // *Труды Отдела древнерусской литературы.* — Л., 1960. Т. 16. С. 15–17. В рамках данной работы для нас важно то, что и краткая, и пространная версии «Повести» относятся к домонгольскому периоду летописания.

^{xvii} Статья ПВЛ за 6488/980 г., этот текст отразился в Лавр., Радз., Н1Мл., Ип., НК1, С1 и Н4. Примечание о количестве жен см. выше.

^{xviii} Рассказ восходит к 3 Цар., 6:1 – 8:30. Подробнее о параллелизме текстов см.: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. — М., 1995. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости ее от Константинопольского патриарха (988–1240). С. 35; *Барац Г. М.* Библейско-агадические параллели... С. 72–73; *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет... С. 108–109, 205.

^{xix} В статье Ип. за 6683/1175 г., в некрологе Андрею Боголюбскому, читаем: «оуподобися цесарю Соломану, яко домъ Господу Богу, и церковь преславну святяя Богородица рожества посредъ города камену создавъ Боголюбомъ, и удиви ю паче всихъ церкви, подобна тоъ Святая святых, юже бъ Соломонъ цесарь премудрыи создалъ. Тако и сии князь блговърныи Андръи и створи церковь сию в память собъ»

^{xx} В статье Лавр. за 6715/1207 г. говорится, что Константин Всеволодович, построив церковь св. Михаила, «якожь Соломонъ цесарь створи пирь на священъе церкви своея».

^{xxi} В Лавр., Радз. и Ип. в некрологе князю Андрею (статья за 6683/1175 г.) о нем говорится: «вторыи мудрыи Соломонъ бывъ».

^{xxii} В известии Лавр. под 6714/1206 г., повествующем об отправлении Всеволодом Большое Гнездо своего сына Константина на новгородский стол, летописец говорит о Константине: «мужство же и умъ в немъ живяше, правда же и истина с нимъ ходяста. Вторыи Соломонъ бывъ мудростью».

^{xxiii} Кроме упомянутого выше случая, в статье за 6715/1207 г. (строительство Константином церкви св. Михаила) народ в молитве просит у Бога наделить князя мудростью Соломона: «и благословиша людье Костянтина, рекуще: «Благословен Богъ, иже дасть Всеволоду сицего сына разумна! Дастъ бо Господь смыслъ и премудрость Соломону, такожь и Костянтину многу зло, и разлитие сердца яко псокъ иже при мори» В третий раз Константин Всеволодович сравнивается в мудрости с Соломоном в некрологе (под 6726/1218 годом): в нем, среди прочего, указывается, что князь был наделен «муростью Соломонею».

^{xxiv} *Успенский Б. А.* Борис и Глеб... С. 40–51.

^{xxv} Термин Д. С. Лихачева. См., напр.: *Лихачев Д. С. 1)* Литературный этикет Древней Руси (к проблеме изучения) // *Труды Отдела древнерусской литературы.* — Л., 1961. Т. 17. С. 5–16; 2) *Поэтика древнерусской литературы.* — М., 1979. С. 80–102.

^{xxvi} В Лавр., а также Радз., Н1 Мл., Ип., Н4 и НК1 под 6523/1015 г. читаем о Святополке: «И приимъ помысль Каиновъ, с лестью посла къ Глбу...»; В С1 в этой же статье содержится несколько иная формулировка: «Святополкъ же, исполнивъ безаконья, Каиновъ смыслъ приимъ...».

^{xxvii} ПВЛ, статья за 6527/1019 г. Текст читается в Лавр., Радз., Ип., НК1, С1 и Н4. В данном летописном фрагменте интересно то, что библейские слова Бога, обращенные к Каину (Быт., 4:10) перефразируются, и, устами Ярослава, адресуются обратно к Богу.

^{xxviii} «7 бо мьстий приа Каинь, убивь Авеля, а Ламехъ 70; понеже б□ Каинь не в□дый мышенья приати от Бога, а Ламехъ, в□дый казнь, бывшую на прародителю его, створи убийство. Рече бо Ламехъ къ своима женама: «мужа убихъ въ вредь мн□ и уношу въ язву мн□, т□мъже, рече, 70 мьстий на мн□, понеже, рече, в□дая створихъ се». Данное рассуждение, не вполне соответствующее каноническому библейскому тексту (Быт., 4:24), восходит, очевидно, к апокрифическим текстам. См.: *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет... С. 101.

^{xxix} «Что бо приа Каинь от Бога, убивь Авеля, брата своего? Не проклятье ли и осуженье и трясенье?» Текст читается в Лавр. и Н1 Мл.

^{xxx} В Лавр. и Радз. под 6694/1186 г., в сообщении о конфликте Романа, Игоря и Владимира с одной стороны, и Всеволода и Святослава с другой, говорится, что вражду между ними восставил дьявол, «якожь в прежняя дни Каина на Авеля брата своего». Отметим, что здесь происходит смещение обличительных акцентов: вместо обличения какого-либо летописного персонажа, осуждается вражда сама по себе (а также темные силы, явившиеся ее возбудителями).

^{xxxi} Статья Ип. за 1175/6683 г., о слуге Якиме: «и тече, вопия къ братъи своеи, къ злымъ св□тникомъ, якоже Июда къ Жидомъ», и далее об убийцах: «и св□щаша убиство на ночь, якоже Июда на Господа».

^{xxxii} *Успенский Б. А.* Борис и Глеб... С. 22–39, 87. Исследователь приходит к выводу о «непосредственном соотношении (и даже отождествлении) излагаемых здесь событий с повествованием книги Бытия» (с. 22). «Будучи первыми (русскими святыми — Д. И.), Борис и Глеб принадлежат к начальному, онтологически исходному плану: они являются началом, точкой отсчета» (с. 43).

^{xxxiii} О понимании истории как спирали в русской средневековой историографии см.: *Водолазкин Е. Г.* Всемирная история в литературе Древней Руси... С. 52, 94–96.

^{xxxiv} В статье Ип. за 6708/1200 г. летописец говорит от своего имени: «...пою ти п□снь поб□дную, аки Мариамъ древле», очевидно, имея в виду эпизод, описанный в Лк. 1:46.